

В.М. Зубарь, В.В. Крапивина

НОВАЯ ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ СЕРЕДИНЫ III в.

Zubar V.M., Krapivina V.V. (Kyiv). The New Latin Inscription and Some Questions of History of Olbia in the Middle of the III Century.

During excavations in the south-eastern part of the Upper City of Olbia in 1998, a small fragment of a marble slab with the relief of a Thracian horseman and two lines of Latin inscription was found. The relief belongs to the group of rather rare reliefs, where a Thracian horseman was depicted during hunting for a wild-boar, who was running under a croup of a horse. The appearance of such slabs in Olbia was connected with Thracian warriors in the Roman garrison here. The inscription can be restored in such way: — ET COH(ortis) I CILICUM DE(CIANAE) —[EX] VOTO POSUIT. The translation is: «—and coh(ort) I Cilicianae De(cianae)—(by) promise dedicated». In accordance with this interpretation, the inscription can be dated by 249-250. It is the latest epigraphical monument, which testifies residence of the warriors of the 1st Cilicianae cohort on the territory of Moesia Inferior and in the Greek centers of the Northern coast of the Black Sea. It is also the first epigraphical monument, which testified residence of the warriors of the 1st Cilicianae cohort in Olbia and that the cohort was rewarded with the honourable title Deciana. Together with already known epigraphical monuments this dedication permits to specify some aspects of the history of Olbia in the middle of the III century, first of all concerning composition of the Roman garrison, the date of its withdrawal from the city, penetration and dissipation of Thracian cults here. Till the middle of the IIIrd century, the Roman military administration assigned Olbia a certain role to play in politics of holding the barbarians on the Danubian frontiers of the Empire.

В ходе раскопок 1998 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии в слое, образовавшемся в результате разрушения города во второй половине III в., был найден фрагмент правой нижней части небольшой мраморной плитки с изображением фракийского всадника и двумя строками фрагментированной латинской надписи¹.

Плитка плоская, со скошенными боками, крупнозернистого мрамора, серо-белого цвета, покрыта местами коричневатым известковым налетом. Лицевая сторона полированная, обратная и боковые-пиленые. Размеры фрагмента: высота 11,5-14,4 см, ширина 6,0-9,2 см, толщина 2,2-2,8 см. Изображение было выполнено в низком рельефе, высотой 0,2-0,5 см и окаймлено гладкой неширокой прямоугольной рамкой, шириной 0,2-0,5 см слева и 2,6-2,8 см снизу. Сохранился достаточно грубо вырезанный корпус кабана, бегущего вправо, передняя нога с копытом и часть крупа лошади с коленом правой ноги всадника, скачущего в том же направлении (рис. 1, 2).

Этот памятник, безусловно, принадлежит кругу рельефов с изображением фракийского всадника, которые исследователями по сюжету

там разделены на несколько групп. Такие мраморные плитки, первоначально укреплявшиеся на стенах святилищ (см., например: Гочева 1990: 134-142), связанных с религиозными представлениями фракийского населения Подунавья, в своей массе датируются II-III вв. (Kazarow 1938; Goseva, Oppermann 1979: 9-25, 30-40, 48-63, 65-71, 73-113; Goseva, Oppermann 1984: 4-133). К сожалению, фрагментированный характер вновь найденного ольвийского рельефа не позволяет уверенно отнести его к тому или иному известному типу аналогичных памятников. Сейчас можно лишь констатировать, что он принадлежал к группе рельефов, где фракийский всадник изображен в момент охоты на кабана, который бежит под крупом лошади в ту же сторону, куда скачет всадник. Относительно близкие по иконографии и стилю изображения датируются III в. (Goseva, Oppermann 1979: №104, pl. XLVI; Goseva, Oppermann 1984: №649, pl. LXIX).

Под фрагментом рельефа сохранилась правая часть двустрочной латинской надписи:
L COH I CILICVM DE
VOTO POSVIT

Перед нанесением надписи плитка была размечена горизонтальными линиями, следы которых имеются в начале первой строки. Однако надпись выполнена несколько выше линии разметки, видимо, непрофессиональным

¹ Инвентарный номер О-98/Р-25/1446, найден на участке Р-25, руководители работ В.В. Крапивина, А.В. Буйских. Хранится в Музее археологии Института археологии НАН Украины.

Рис. 1. Обломок мраморного рельефа с фрагментированной латинской надписью из раскопок Ольвии.

резчиком. Об этом свидетельствует также разное расстояние между буквами и небрежный шрифт, который по своему характеру достаточно близок «вульгарному» стилю поздних латинских эпиграфических памятников (ср.: Sandys 1969: 51-52). Высота букв 0,5-0,9 см. Из особенностей шрифта следует отметить, что цифра I, буквы I, L и V имеют апексы, а буква D в конце первой строки значительно меньше следующей за ней E. Буквы V и M вырезаны очень небрежно и даны в лигатуре (рис. 3).

Начало сохранившейся части первой строки может трактоваться двояко: как буква L и разделитель или E и T в лигатуре. При восстановлении надписи, видимо, следует отдать предпочтение последнему варианту. В пользу этого говорит незанятое текстом поле перед L, трудно объяснимое при восстановлении здесь [M]L(es), а также отсутствие апексов, которые украшают букву L в слове Cilicum. Кроме того, поперечная средняя гаста по своему написанию аналогична гасте буквы E в конце этой строки. Таким образом, в начале сохранившейся части первой строки должны быть восстановлены E и T в лигатуре, а не L от [M]L(es).

После ET читается название I Киликийской когорты вспомогательных войск римской армии – COH I CILICVM. В конце первой строки уверенно читаются еще две буквы D и E. Они сохранились от слова, которое, по всей вероятности, можно рассматривать в качестве дополнения к наименованию этого воинского подразделения. Известно, что в посвяtitельной надписи из Том зафиксирован почетный титул I Киликийской когорты Philippianaе (ISM 1987: 363-364; № 452(2)). Исходя из этого, окончание первой и, вероятно, начало второй строк публикуемой надписи можно дополнить как почетный титул De[ciana], который эта когорта могла получить только в период правления римского

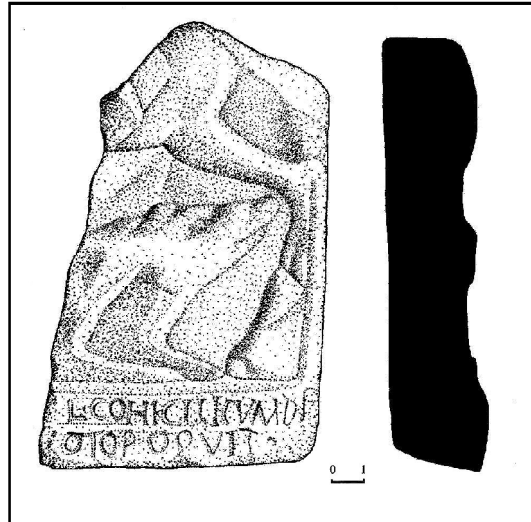

Рис. 2. Прорисовка обломка мраморного рельефа сфрагментированной латинской надписью из Ольвии.

императора Траяна Деция Августа (249-251 гг.) (Kienast 1990: 202-203). В настоящее время известно четырнадцать эпиграфических памятников, в которых этот почетный титул сочетался с названиями римских воинских подразделений (CIL, III, 4300; VI, 32558-32560; XIII, 6658; XVI, 154; AE, 1944: 45; 1976: 277. Ср.: Fitz 1983: 179-182; Vinogradov, Zubar 1995/1996: 129-143; Виноградов, Зубарь, Антонова 1998: 71-80). Судя по имеющимся данным, все они получили этот титул в промежуток времени между приходом к власти Деция в июне 249 и концом 250 гг. (Kienast 1990: 202-203). Ни один из известных сейчас эпиграфических памятников с почетным наименованием Deciana не может быть отнесен к 251 г., последнему году правления императора (Fitz 1983: 182). Исходя из этого, и новая надпись из Ольвии с упоминанием Cohors I Cilicum De[ciana], скорее всего, датируется тем же временем. Этому не противоречит археологический контекст находки, грубоватый характер исполнения памятника и шрифт надписи.

Итак, на основании всего изложенного, фрагментированная надпись из раскопок Ольвии 1998 г. может быть восстановлена следующим образом:

--- ET COH(ortis) I CILICVM DE/
[CIANAЕ] -----[EX] VOTO POSVIT

Рис. 3. Прорисовка надписи с рельефа.

Перевод: --- и когорты I Киликийской Дециевой --- по обету поставил.

Публикуемая плитка с надписью позволяет уточнить ряд аспектов истории Ольвии в середине III в., прежде всего касающихся количественного и качественного состава римского гарнизона, времени вывода его из Ольвии, проникновения и распространения здесь фракийских культов.

Упомянутая в надписи I Киликийская когорта вспомогательных войск римской армии впервые фиксируется в Ольвии. Это подразделение было сформировано в период правления династии Юлиев-Клавдиев на территории Киликии. По мнению В. Вагнера, префект этой когорты М. Магий Антик упомянут в надписи первой половины I в., обнаруженной на территории современного города Сан-Эстебан де Гормаз, где располагался римский Уксам, который входил в состав провинции Тарраконская Испания, образованной в 27 г. до н.э. (Dessau 1916: №8968; Wagner 1938: 120; Holder 1980: 230, 244, E 23). Впервые на территории Мезии I Киликийская когорта фиксируется военным дипломом в 78 г. (CIL, XVI, 22). Причем не исключено, что тогда она дислоцировалась в Наисусе (совр. Югославия) (Benes 1976: 56; Benea 1983: 26; Strobel 1984: 127, note 96). В это время, судя по упоминанию в дипломе солдата-уроженца киликийского города Agi(us) – Парасауса, когорта формировалась из уроженцев восточных областей империи (Тудор 1960: 241). На территории Верхней Мезии это подразделение оставалось и после раздела единой провинции Мезия на две (86 г.), о чем свидетельствуют военные дипломы с упоминанием военнослужащих этого подразделения, датирующиеся 93, 96 и 100 гг. (CIL, XVI, №№39, 46; Benea 1983: 149; Aricescu 1977: 57-58; Roxan 1978: 36-37, №6).

В период I Дакийской войны Траяна, в связи с вторжением даков в Нижнюю Мезию, в 101 г. она была передислоцирована на территорию этой провинции, где, вероятно, силами ее солдат в 103-105 гг. был возведен укрепленный лагерь в Сацидаве на берегу Дуная (Scorpan 1981: 102). После окончания Дакийских войн солдаты I Киликийской когорты участвовали в Восточном походе Траяна, принимали участие в подавлении иудейского восстания (CIG, 3498; AE, 1926: 150; Saxer 1967: 60; Strobel 1983: 127), а после этих событий были возвращены на территорию Нижней Мезии, где найдены военные дипломы солдат этого подразделения, датирующиеся 112, 134, 145, 157 гг. (CIL, XVI, 78; Aricescu 1977: 58; Roxan 1978: 72-73, №50; Roxan 1985: 146, №85; Torbatov 1994: 160-162). Во второй половине II в. военнослужащие этого подразделения по эпиграфическим памятникам также известны в Нижней Мезии (CIL, III, 144437, 2; ISM, 1987, vol. II: 309-310, №345(18)). Первой половиной III в. датируется надгробие

Аврелия Валента и Элия Юлия – солдат I Киликийской когорты из Херсонеса, где они несли гарнизонную службу вместе с военнослужащими XI Клавдиева легиона (рис. 4) (Соломоник 1983: 64-65, №39), которому эта когорта была подчинена в оперативном отношении (Benes 1976: 24; Ср.: Sarnowski 1988: 144). К 244-249 гг. относится посвящение Корнелия Валентина, солдата I Киликийской когорты из Том, из которого следует, что подразделение в это время носило почетный титул *Philippiana* (ISM, 1987, vol. II: 363-364; № 452(2)). Исходя из известных сейчас эпиграфических памятников, можно уверенно говорить, что в состав I Киликийской когорты (*Cohors milliaria equitata*) входили пехотинцы и всадники. Как всякое такое подразделение вспомогательных войск римской армии, она состояла из 720 пехотинцев и 280 кавалеристов (Holder 1988: 21-26).

Пока еще окончательно не решен вопрос о том, где располагался штаб и основной лагерь этой когорты на территории Нижней Мезии. Д. Тудор полагал, что он находился недалеко от Том (Holder 1988: 21-26). Я. Бенеш считал возможным говорить о дислокации этого подразделения в Тропеум Траяна (совр. Адамклицси), когда когорта находилась в оперативном подчинении командования XI Клавдиева

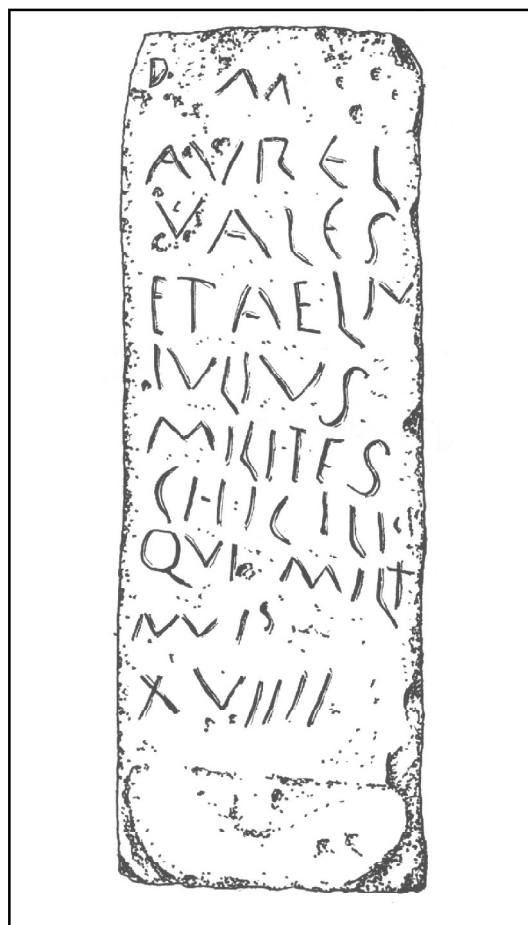

Рис. 4. Надгробие солдат I Киликийской когорты из Херсонеса.

легиона (Benes 1976: 24). К. Скорпан на основании находок целой серии эпиграфических памятников локализовал лагерь когорты в Сацдаве, на Дунае (Scorpan 1981: 101-102). Последнее мнение представляется наиболее аргументированным. Однако военнослужащие этого подразделения на протяжении II – первой половины III вв. дислоцировались в других пунктах Нижней Мезии, что было обусловлено изменениями военно-политической обстановки в течение этого достаточно продолжительного отрезка времени (Scorpan 1981: 102). Этим, вероятно, объясняются находки эпиграфических памятников, в которых упоминается I Киликийская когорта, в разных местах на территории провинции.² Например, в период правления императоров Филиппа Араба и Деция вексилляция этой когорты находилась в Томах (Benes 1976: 25), где обнаружено надгробие кавалериста этого подразделения Клавдия Матрона (Aricescu 1977: 58-59, fig. 12; ISM, 1987, vol. II: 309-310, №345 (18)).

Сейчас трудно с уверенностью определить, какое количество солдат из каждого подразделения римской армии выделялось для несения гарнизонной службы в тот или иной пункт Северного Причерноморья, в том числе и в Ольвию. Но хронологически близкие надгробная эпитафия двух солдат I Киликийской когорты и надгробие Г. Юлия Валента, солдата I Сугамбской когорты из Херсонеса, поставленное центурией, а также ряд других косвенных данных позволяют заключить, что в римские вексилляции включались не отдельные солдаты, а целые тактические единицы римских воинских подразделений, например, центурии и турмы (Зубар, Сон 1997: 122-123). Если это так, то римские вексилляции состояли из одной или нескольких тактических единиц подразделений Мезийской армии, видимо, во главе с унтер-офицером, и насчитывали, как минимум, около сотни солдат. Вероятно, количественный состав римской вексилляции Ольвии в середине III в., когда в нее входили солдаты I Киликийской когорты, был приблизительно таким же. В противном случае дислокация в столь удаленном от основного района концентрации римских вооруженных сил месте римского отряда теряла смысл, и он не мог выполнять стоявшие перед ним оперативные задачи.

Видимо, восстановление в первой строке перед названием когорты ET позволяет предполагать, что в ее несохранившейся части могло стоять наименование еще одного подразделения римской армии, а в начале строки – имя римского военного должностного лица и

² Попутно следует отметить, что находки клейм с аббревиатурой SIC, вероятно, не могут безоговорочно рассматриваться в качестве керамической продукции, изготовленной солдатами I Киликийской когорты (подр. см.: Тудор 1960: 248-249; Клейман 1965: 179-182; Benes 1976: 25; Aricescu 1977: 58).

далее наименование вексилляции. В связи с этим следует вспомнить, что в Ольвии уже давно был найден алтарь с посвящением Меркурию, поставленный римским солдатом в 248 г. (IOSPE, I2, №167). Т.Н. Книпович считала, что в посвящении упомянуты два солдата с фракийскими односоставными именами *Vithus* и *Puggus* (Книпович 1968: 197, ср.: Крыкин 1993: 37). Однако вряд ли это так. Вероятно, памятник был поставлен не двумя солдатами, а одним. В правильности такого заключения убеждает фотография этого алтаря с надписью, в соответствии с которой для союза *et* между *Vithus* и *Puggus* нет места. В этой латинской надписи имя солдата, поставившего алтарь, имеет двусоставную римскую структуру, в которую входят два, по мнению исследователей, типично фракийские имена – *Битус* и *Пиррус* (Крыкин 1993: 37, 85). Следовательно, перед нами римский солдат фракийского происхождения, который, судя по его имени, не являлся римским гражданином, а, следовательно, и не мог быть легионером. Он должен был служить в одном из римских вспомогательных подразделений, которые выделяли солдат для несения службы в Ольвии.

В просопографии Ольвии первых веков н.э. известны и другие фракийские имена в латинской транскрипции. Причем лица, упомянутые в латинских надписях, были либо солдатами римского гарнизона Ольвии, либо членами семей солдат. Поэтому, несмотря на общее небольшое число имен в латинской транскрипции, все же можно сделать некоторые выводы о римских военнослужащих, которые несли здесь гарнизонную службу.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие среди этих имен трех, безусловно фракийского происхождения. Фракийцем был Валерий Мукатралис, а следовательно, и его сын, который, правда, получил *cognomen* *Secundinus* (Книпович 1968: 197, ср.: Крыкин 1993: 121). Это позволяет предполагать, что ряд двусоставных типично римских имен мог принадлежать выходцам из фракийской этнической среды. Известно, что солдаты вспомогательных войск, поступая на римскую службу, получали новые имена с римской структурой, которыми их прежние имена заменялись либо частично, либо полностью (Ramsay 1941: 6, 9). Поэтому не исключено, что фракийцами по происхождению могли быть Элий Сатурнин, на что, возможно, указывает аналогичное имя его жены Элии Сатурнины, и Аврелия Квирина (или Квирния), а также легионер Галерий Монтан и его мать Галерия Монтана. Вероятно, и Ольвия Брисаис, жена или сожительница Валерия Мукатралиса, также была фракийского происхождения (IOSPE, I2, №236; Крыкин 1993: 37).

К сожалению, в публикуемой надписи имя дедиканта не сохранилось. Однако фрагмент рельефа фракийского круга, ниже которого был вырезан текст посвящения, свидетельствует

о том, что солдат I Киликийской когорты был адептом одного из фракийских божеств, которому по обету, возможно, за победу в одном из военных столкновений с варварами (см.: Штаерман 1987: 301), он посвятил мраморную плитку (ср.: IDR, 1977, vol. II: 138, №308; ISM, 1980, vol. V: 202, №164; 203-204, №167; 238, №219; 255, №239; 264, №248; 303, №296; IDR, 1988, vol. III/4: 99-100, №131; 227-228, №285). Крайне фрагментарный характер памятника не позволяет сказать что-то определенное о том, какому именно божеству было адресовано посвящение солдата, так как в виде всадника на территории Мезии и Фракии в первые века н. э. почитался не только Герой, но и Асклепий, Дионис, Зевс, Плутон, Аполлон, Митра, Серапис, Сильван, Артемида и даже Артемида-Бендида (Щеглов 1969: 174; Oppermann 1974: 353-362; Попов 1981: 16-18, 20, 78, 83, 95-96, 103; Крыкин 1990: 75-76; Крыкин 1993: 137-143; Русяева 1993: 152 и др.). Вполне возможно, что и сами дедиканты не имели единого и устоявшегося представления о роли и функциях своего конного бога (Штаерман 1961: 248; Штаерман 1987: 30, 132, 234, 301; ср.: Тачева-Хитова 1982: 144, №39; 156-157, №55 а; 168, №74; 268-270, №17; 276-277, №22), но его связь с борьбой разных начал (земного и небесного, жизни и смерти, римлян и варваров), особенно характерной для аналогичных памятников середины III в. (Штаерман 1987: 301), и фракийское происхождение, несомненны (Oppermann 1984: 244-249).

В ходе многолетних раскопок в Ольвии ранее были обнаружены фрагменты мраморных вотивных рельефов, которые исследователи уверенно относят к памятникам фракийского круга: четыре из них – с изображением фракийского всадника, четыре – Митры-Тавроктонна, еще на двух представлены бородатые боги, Деметра и Кора (Ростовцев 1911: 17-19; Блаватский 1951: 256-258; Щеглов 1967: 255-259; Русяева 1993: 152-153; Крапивина 1994: 168-171). Посвящение на одном из рельефов с изображением фракийского всадника из Ольвии на основании аналогий было удачно интерпретировано как посвящение Поробону, который являлся кельтским божеством (IOSPE I2, №171; Соломоник 1973: 55-56; Русяева 1982: 11; Крыкин 1992: 140-147). Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что такие вотивные рельефы находились в местах стоянок римских войск (Domaszewski 1895: 1-124; Ростовцев 1911: 1-42; Русяева 1993: 152).³ Они отражают верования и религиозные представления вы-

ходцев с территории Мезии и Фракии (Тачева-Хитова 1982: 447-450, 458-459; Найденова 1986: 56-59; Крыкин 1988: 79; Goseva 1990: 88-98; Claus 1992: 218-233, 235), уроженцы которых составляли значительный процент римских военнослужащих, особенно подразделений вспомогательных войск Мезийской армии (Holder 1988: 109-139; Mann 1983: 38, 66). Из состава именно этой римской армии выделялись солдаты для несения службы в античных городах Северного Причерноморья, в том числе и Ольвии (Ростовцев 1915: 8; Зубарь 1998: 98-106).

Не исключено, что на территории Верхнего города солдатами римского гарнизона было построено святилище, где вплоть до середины III в., о чем свидетельствуют алтарь 248 г. и публикуемая надпись 249-250 гг., отправлялись культы наиболее почитаемых в солдатской среде божеств, в том числе и фракийского происхождения. Наличие святилища фракийских божеств в Ольвии или ее окрестностях предполагал еще М.И. Ростовцев (Ростовцев 1911: 17-18; Колосовская 1985: 223-225). Там же могли располагаться и плитки с изображением Митры, почитавшиеся наряду с другими фракийскими и римскими божествами, которые рассматривались в качестве покровителей римской армии (Русяева 1993: 155; Крапивина 1997: 82; ср.: Garbsch 1985: 355-462). Косвенно об этом свидетельствует ольвийская надпись времени императора Севера Александра, в которой речь идет о строительстве Аврелием Юлианом в городе храма, посвященного Серапису, Исиде, Асклепию, Гигиее и Посейдону (IOSPE I2, №184), где, вероятно, почитались все перечисленные божества. Сказанное хорошо согласуется с тем, что на территории дислокации римского гарнизона в Балаклаве в специальном помещении, открытом в 1996 г., имелись посвящения разным римским божествам: Юпитеру Долихену, Геркулесу и Вулкану (подр. см.: Зубар, Сарновский, Савеля 1997: 67-88; Sarnowski, Zubar, Savelja 1998: 321-341).

А.С. Русяева, анализируя вотивные рельефы фракийского круга из Ольвии, пришла к выводу о том, что ограниченное количество таких памятников позволяет говорить о малочисленности римского гарнизона города (Русяева 1993: 158-159). Это заключение хорошо согласуется с общим незначительным количеством латинских эпиграфических памятников из Ольвии в сравнении, например, с Херсонесом и его округой. Кроме того, в Херсонесе известно достаточно много латинских надгробий с упоминанием легионеров, в то время как в Ольвии их обнаружено только четыре, при этом два из них пока не опубликованы. Учитывая вышеизложенное, а также то, что фракийское население Подунавья более активно проникало в состав вспомогательных войск, куда набирались в основном неримские граждане (Holder 1980:

³ Помимо Харакса, Херсонеса, Ольвии и Тиры, где уже давно известны рельефы фракийского круга (Щеглов 1969: 135-137), аналогичные фрагментированные памятники, к сожалению, до сих пор должным образом не опубликованные, обнаружены на Сакской пересыпи в Северо-Западном Крыму. (подр. см.: Ланцов 1988: 249-250).

109-139; Mann 1983: 38, 66), можно с известной долей вероятности предположить, что и качественный состав векиллиций Херсонеса и Ольвии был различным. Для последней было, вероятно, характерно количественное преобладание солдат вспомогательных войск.

В связи с этим следует обратить внимание на интерпретацию текста одной греческой эпитафии, предложенную Ю.Г. Виноградовым. Исходя из ее содержания, можно говорить о том, что после окончания Дакийских войн Траяна, между 106 и 111 гг., для защиты Ольвии римской администрацией был отправлен военный отряд пехотинцев, вооруженных длинными щитами. Судя по греческому имени и патронимике погребенного, это подразделение было сформировано не из легионеров, а из солдат вспомогательных иррегулярных войск (Виноградов 1990: 29-31), а в правление императора Адриана для защиты Ольвии от посягательств варваров были задействованы кавалеристы из состава боспорских войск (Зубарь 1993: 148-151; Зубарь 1998: 99-106). Если предположение относительно качественного состава римского гарнизона Ольвии во второй половине II-III вв. правомерно, то, вероятно, можно говорить об определенной преемственности в военной политике провинциальной администрации по отношению к гражданской общине ольвиополитов.

Тем не менее, согласно латинской строительной надписи конца 60-х – начала 70-х гг. II в., в Ольвии находилась векиллиция, состоявшая из солдат V Македонского, I Итальянского и XI Клавдиева легионов (Зубарь, Сон 1995: 181-187). Если это соотносить с результатами археологических исследований, которые свидетельствуют о начале интенсивного строительства на территории Верхнего города именно в это время (Крапивина 1993: 10-20; Крапивина, Буйских 1997: 125-126), то можно заключить, что именно с помощью легионеров были предприняты меры по укреплению оборонительных сооружений и возведению новых построек. Но вскоре основная масса легионеров из города была выведена, и римские военнослужащие в конце II – середине III вв. здесь были представлены солдатами вспомогательных войск, набранными главным образом из среды фракийского населения Подунавья. В пользу этого свидетельствуют не только фракийские имена, но и некоторые принадлежности римского вооружения, обнаруженные при раскопках Ольвии (Сон, Назаров 1993: 120-123). Такие векиллиции, формировавшиеся на основе вспомогательных подразделений и выполнявшие различные оперативные задачи, хорошо известны в римской военной практике первых веков н.э. (CIL, VI, 421; XII, 1358; подр. см.: Saxon 1967: 59-61, 119-120). Возможно, именно этим объясняется отсутствие в Ольвии легионных клейм.

Однако наряду с солдатами вспомогательных войск, которые составляли, вероятно, по-

давляющее большинство военнослужащих ольвийской векиллиции, здесь, безусловно, служило и какое-то количество легионеров, о чем свидетельствует надгробие, поставленное в конце II в. Галерием Монтаном своей матери и Прокуле, вероятно, жене или сожительнице (IOSPE, I2, №236). В данном случае особый интерес представляет то, что Галерий Монтан был не простым солдатом XI Клавдиева легиона, а принадлежал к его артиллерии, т. е. по своему должностному положению он был принципалом и руководил тактической подготовкой солдат. Такие принципалы были своеобразными инструкторами солдат-новобранцев (Dobson 1967: XV). Поэтому можно предположить, что Галерий Монтан, находясь в составе римской векиллиции Ольвии, которая, как предполагается, в основном состояла из солдат вспомогательных войск – по происхождению фракийцев, также должен был отвечать за подготовку ее солдат (Зубарь 1998: 99-106). Возможно, сам он также был фракийцем (см. выше).

Публикуемая нами надпись из раскопок Ольвии 1998 г., как указывалось выше, датируется достаточно точно 249-250 гг. Она хронологически близка другим памятникам этого времени из Северного Причерноморья, в которых упоминаются военнослужащие римской армии. Поэтому ее, безусловно, следует рассматривать в тесной связи с уже упоминавшимся ольвийским алтарем 248 г. с посвящением Меркурию (IOSPE, I2, №167) и строительной надписью 250 г. из Херсонеса, в которой говорится о восстановлении схолы принципалов, видимо, на территории римской цитадели города Марком Ратином Сатурнином, центурионом I Итальянского легиона (Vinogradov, Zubar 1995/1996: 129-143; Виноградов, Зубарь, Антонова 1998: 71-80; ср.: Антонова 1997: 19-24; 1997а: 10-14). Все эти памятники, безусловно, свидетельствуют об активизации римской политики в отношении античных государств Северного Причерноморья в период правления императоров Филиппа Араба (244-249 гг.) и Траяна Деция (249-251 гг.).

В середине III в. в римской внутренней и внешней политике Подунавье играло достаточно важную роль. В частности, Филипп Араб, а впоследствии Деций осуществили ряд военных акций против варваров, угрожавших Мезии и Фракии (подр. см.: Zosim I, 20, 1; Dexipp, 18; Iord. Get., 90-93; Ременников 1954: 36-39; Буданова 1990: 84-85). Причем, как известно, последний вместе с сыном погиб в 251 г. во время повторного похода против готов в Добрудже около Абрита, утонув в болоте (Zosim I, 23; Zonar. XII, 20; Vict. Caes. 29, 4.). Не удивительно, что именно в период правления этих двух императоров в Ольвии и Херсонесе эпиграфическими памятниками четко фиксируется присутствие римских войск, что, вне всякого сомнения, следует

рассматривать в тесной связи с римской политикой в Подунавье и борьбой империи с активизировавшимися в это время варварами. Дислокация здесь пусть даже количественно небольших римских гарнизонов, которые взяли на себя защиту греческого населения, превращала эти центры в естественных союзников на подступах к границам империи и позволяла противостоять агрессивным устремлениям варваров, что, вероятно, было важной составляющей целенаправленной римской политики по отношению к античным государствам Северного Причерноморья в это время (см.: Зубарь 1998: 131).

После гибели Дециев новым императором становится Требониан Галл (251-253 гг.), виновный, по мнению большинства древних авторов, в их гибели. Он заключил позорный для империи мир с готами и, вероятно, вскоре было принято решение об окончательном выводе римских гарнизонов из античных центров Северного Причерноморья, и в частности, Ольвии. Империя в это время остро нуждалась в вооруженных силах и резервах на собственных границах. Об этом свидетельствует, с одной стороны, реформа римской армии, начатая еще Филиппом Арабом и продолженная Валерианом (253-259 гг.) и Галлиеном (259-268 гг.) (Grosse 1920: 1-23; Regibus 1939: 105-129; Jones 1964: 21-36; Alföldy 1967: 342-374), а с другой – крайнее напряжение военных усилий империи в борьбе с варварами на Дунае в правление последнего из названных императоров (Regibus 1939: 63-82). Аналогичными соображениями, видимо, руководствовался позднее и император Аврелиан (270-275 гг.), который принял решение об окончательной эвакуации римской провинции Дакия (Scorpan 1980: 134; Catanicia 1981: 53-55). Все это позволяет утверждать, что именно вследствие бурных событий на дунайской границе империи не позднее третьей четверти III в. римские войска окончательно были выведены из античных городов Северного Причерноморья, и в их истории начинается новый, позднеантичный этап развития (Зубарь 1994: 132; Vinogradov, Zubar 1995/1996: 139-140; Зубарь 1998: 142 сл.; ср.: Крижицкий, Крапивина, Лейпунська 1994: 22). Причем археологический контекст находки в Ольвии алтаря 248 г. и публикуемой надписи, как и це-

лый ряд других данных (Зубарь 1998: 130-131), хорошо согласуется со сказанным.

В связи с этим, видимо, уместно вспомнить, что в Тропеум Траяна (Адамклиссы), где несколько раньше дислоцировались солдаты I Киликийской когорты, было обнаружено посвящение Юпитеру Ольвиополитанскому, поставленное Марком Невием Теотимианом за здравие и благополучие августов Диоклетиана и Максимиана, а также цезарей Константина Хлора и Галерия (286-305) (Карышковский 1968: 169-170; Kienast 1990: 262-283). Эту эпikleзу Юпитера П.О. Карышковский, несомненно справедливо, связал именно с Ольвией Понтийской, где в первые века н.э. был известен культ Зевса Ольвия (Карышковский 1968: 179; см.: IOSPE, I2, №42, 143; Русяева 1993: 62-63). Это, в качестве одной из гипотез, позволяет рассматривать упомянутого дедиканта в качестве уроженца или потомка кого-то из жителей Ольвии, которые покинули город вместе с римскими войсками в третьей четверти III в. и обосновались в одном из населенных пунктов на территории Нижней Мезии (Крапивина 1993: 155).⁴

Итак, новая латинская надпись из Ольвии в предложенной интерпретации пока является самым поздним эпиграфическим памятником, свидетельствующим о пребывании на территории Нижней Мезии и в античных центрах Северного Причерноморья военнослужащих I Киликийской когорты, а также первым эпиграфическим памятником, в котором засвидетельствовано ее пребывание в Ольвии и получение этим подразделением почетного титула *Deciana*. Наряду с уже известными надписями, это посвящение позволяет утверждать, что вплоть до середины III в. римская военная администрация отводила Ольвии определенную роль в политике сдерживания варваров на дунайской границе империи. Естественно, ввиду крайне ограниченного количества источников, эта проблема пока может быть лишь поставлена. Однако каждый полевой сезон приносит много интересного, и кто знает, может быть, мы стоим на пороге новых удивительных открытий в области ольвийской эпиграфики, которые, наконец, позволят реконструировать заключительный этап истории этого античного центра во всем его многообразии и неповторимости.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И.А. 1997. Раскопки цитадели Херсонеса // Археологические исследования в Крыму 1994 г. Симферополь.
 Антонова И.А. 1997а. Административное здание херсонесской вексилляции и фемы Херсона (по материалам раскопок 1989-1993 гг.) // Хсб. Вып.VIII.
 Блаватский В.Д. 1951. Харакс // МИА. №19.
 Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.
 Виноградов Ю.Г. 1990. Ольвия и Траян // Восточная Европа в древности и средневековье. Тезисы докладов. М.

- Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. 1998. *Schola Principium* в Херсонесе // НЭ. Т.XVI.
 Гочева З. 1990. Святые места на тракийский конник в районе на Провадия // *Acta Associationis Internationalis Terra Antiqua Balcanica*. IV.
 Даньшин Д.И. 1990. Танаиты и танаисцы во II-III вв. // КСИА. Вып.197.

⁴ В этом отношении показательным, что в период военной угрозы миграции населения имели место и в других районах Северного Причерноморья, например, на Боспоре (подр. см.: Даньшин 1990: 55-56).

- Зубар В.М. 1993. Ольвія і Рим в першій чверті II ст. // Археологія. №4.
- Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
- Зубарь В.М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев.
- Зубар В.М., Сарновський Т., Савеля О.Я. 1997. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. №4. С. 67-88.
- Зубарь В.М., Сон Н.А. 1995. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE, I2, №322) // ВДИ. №3.
- Зубар В.М., Сон Н.О. 1997. З приводу інтерпретації нового латинського напису з Херсонеса // Археологія. №1.
- Карышковский П.О. 1968. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. №1.
- Клейман И.Б. 1965. К вопросу о пребывании в Тире I Киликийской когорты // КСОАМ за 1963 г. Одесса.
- Книпович Т.Н. 1968. К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I-III вв. н. э. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.
- Колосовская Ю.К. 1985. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура древнего Рима. Т.II. М.
- Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. Киев.
- Крапивина В.В. 1994. Рельеф с Митрой Тавроктоном из Ольвии // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества. Одесса.
- Крапивина В.В., Буйских А.В. 1997. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982-1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
- Крижицький С.Д., Крапивина В.В., Лейпунська Н.О. 1994. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. №2.
- Крыкин С.М. 1988. Фракийский субстрат в античных колониях Северного Причерноморья // Thracia. 8.
- Крыкин С.М. 1990. Вотивный барельеф фракийского всадника из Полтавского краеведческого музея // ВДИ. №1.
- Крыкин С.М. 1992. Deus Sanctus Porobonus // ВДИ. №3.
- Крыкин С.М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.
- Ланцов С.Б. 1988. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Тезисы докладов конференции «Проблемы античной культуры». Ч.III. Симферополь.
- Найденова В.П. 1986. Культ Митры в Нижней Мезии и Фракии // Проблемы античной культуры. М.
- Попов Д. 1981. Тракийская богиня Бендида. София.
- Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М.
- Ростовцев М.И. 1911. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. Вып.40.
- Ростовцев М.И. 1915. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК. 58.
- Русяева А.С. 1982. Негрецькі елементи в релігії Ольвії римського часу // Археологія. Вип.37. Київ.
- Русяева А.С. 1993. Религия и культы античной Ольвии. Киев.
- Соломоник Э.И. 1973. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. №1. С. 55-56
- Соломоник Э.И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
- Сон Н.О., Назаров В.В. 1982. Нахідки римської зброї в Тірі та Ольвії // Археологія. 1993. №1.
- Тачева-Хитова М. История на източните культове в Долна Мезия и Тракия V в. пр. н.е. – VI в. н.е. София.
- Тудор Д. 1960. Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде (Новые данные в изучении связей западного и северного побережья Черного моря в I-III вв. н. э.) // МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев.
- Штаерман Е.М. 1961. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М.
- Штаерман Е.М. 1987. Социальные основы религии Древнего Рима. М.
- Щеглов А.Н. 1967. Два вотивных рельефа из Ольвии // ЗОАО. Т.II.
- Щеглов А.Н. 1969. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. №150.
- Alföldy G. 1967. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts. Darmstadt.
- Aricescu A. 1977. Armata in Dobrogea Romană. Bucureşti.
- Benea D. 1983. Din istoria militară a Moesiei Superior și a Daciei. Cluj-Napoca.
- Benes J. 1976. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Praha.
- Catanicia I.B. 1981. Evolution of System of Defens Works in Roman Dacia. Oxford.
- Clauss M. 1992. Cultores Mithrae. Stuttgart.
- Dessau H. 1916. Inscriptiones Latinae selectae. Vol.3. Part 2. Berolini.
- Dobson B. 1967. Einführung // Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln, Graz, S. XV.
- Domaszewski A. 1895. Die Religion des römischen Heeres // Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst. Jahr. 21.
- Fitz J. 1983. Honorific Titles of Roman Military Units in the 3rd Century. Budapest.
- Garbsch von J. 1985. Das Mithraeum von Pons Aeni // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 50.
- Goceva Zl. 1990. Weihungen für den Thrakischen Reiter von Mitgliedern der römischen Legionen // Studia in honorem Borisi Gerov. Sofia.
- Goceva Zl., Oppermann M. 1979. Monumenta Orae Ponti Euxini Bulgariae // CCET. I.
- Goceva Zl., Oppermann M. 1984. Monumenta inter Danubium et Haemum reperta // CCET. II, 2.
- Grosse M. 1920. Römische Militargeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin.
- Holder P.A. 1980. Studies in the Auxilia of the Roman Army from Augustus to Trajan. Oxford.
- Holder P. 1988. Cohortes Equitatae from Augustus to Hadrian // Military Illustrated. №13.
- Jones A.H.M. 1964. The Late Roman Empire 284-602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford. Vol. I.
- Kazarow G.I. 1938. Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest.
- Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. Darmstadt.
- Krapivina V.V. 1997. About the Cult of Tauroctonus

- Mithra in Olbia // *The Thracian World at the Crossroads of Civilization*. I. Bucharest.
- Mann J. 1983. *Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principat*. London.
- Oppermann M. 1974. Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien // *Thracia*. 3.
- Oppermann M. 1984. *Iconographische Untersuchungen zur Weihplastik der thrakischen Gebiete in Römischer Zeit // Dritter Internationale thrakischer Kongreß*. Bd. 2.
- Ramsay A. 1941. *The Social Basis of Roman Power in Asia Minor*. Aberdeen.
- Regibus L. 1939. *La monarchia militare di Gallieno*. Milano.
- Roxan M. 1978. *Roman Military Diplomas 1954-1977*. London.
- Roxan M. 1985. *Roman Military Diplomas 1978 to 1984*. London.
- Sandys J.E. 1969. *Latin Epigraphy. An Introduction to the Study of Latin Inscriptions*. Groningen.
- Sarnowski T. 1988. *Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego*. Warszawa.
- Sarnowski T., Zubar V.M., Savelja O.Ja. 1998. Zum religiösen Leben der Niedermoesischen Vexillationen auf der Südkrim. Inschriftenfunde aus dem neu-entdeckten Dolichenum von Balaklawa // *Historia*. Bd. XLVII/3.
- Saxer R. 1967. Untersuchungen zu den Vexillationen der römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // *Epigraphische Studien*. 1.
- Scorpan C. 1980. *Limes Scythiae. Topographical and Stratigraphical Research on the Late Roman Fortifications on the Lower Danube*. Oxford.
- Scorpan C. 1981. *Cohors I Cilicum in Sacidava and Scythia Minor // JRS*. Vol. 71.
- Strobel K. 1984. *Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans. Studien zur Geschichte des mittleren und unteren Donaunraumes in der Hohen Kaiserzeit*. Bonn.
- Torbatov S. 1994. *A newfound Roman military Diploma from Nigrinianis (Lower Moesia) // LIMES a cura di Giancarlo Susini. Studi di storia*. 5.
- Vinogradov Ju.G., Zubar V.M. 1995/1996. *Die Schola Principalium in Chersonesos // Il mar Nero*. II.
- Wagner W. 1938. *Die Dislokation der römischen Auxiliareformationen in der Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus*. Berlin.